

Виктор Лунеев,
зав. сектором уголовного права и
криминологии Института государства и
права РАН
д.ю.н., проф., лауреат Гос. премии

Преступность и теневая экономика

1. Преступность

Главной угрозой современности после мировых войн и возможных глобальных катастроф становится транснациональная и национальная преступность. Причем в отличие от войн и катастроф преступность явление не временное, не ограниченное территориально, а постоянно действующее, повседневное и повсеместное. Как и прежде она продолжает расти быстрее, чем численность населения, мгновенно заполняя любые неконтролируемые или слабо контролируемые правом ниши. По данным обзоров ООН преступность в мире в среднем прирастает до 5% в год при приросте населения в 1-1,2%. Увеличивается ее общественная опасность и причиняемый ею вред. Качественные изменения преступного поведения дрейфуют в сторону большей изощренности. Преступность все больше организуется, вооружается, коррумпируется, глобализируется, интеллектуализируется и особенно интенсивно «окорыстовывается», т.е. корысть становится самым главным, самым доминирующим мотивом современного преступного поведения. Отдельные преступники и особенно организованные преступные образования нередко намного быстрее и эффективнее государственных организаций и легальных коммерческих структур используют различные достижения науки и техники для осуществления своих криминальных целей¹. Общеизвестно, что изощренные преступления, особенно в экономической сфере, совершаются профессионалами, а расследуются дилетантами.

Перечисленные особенности криминальной деятельности, свойственные преступности в мире, в полной мере характерны для российского криминала. **В силу этого реформирование и совершенствование любой сферы жизни и деятельности (политической, социальной, экономической, организационной и даже правовой) в современной России тесно связано с преодолением или хотя бы с минимизацией растущей преступности.** Она является серьезной преградой не только для внутреннего развития, но и для международной торговли и международных отношений в целом.

Более века назад высказывались предположения, о якобы закономерном снижении уровня преступности в процессе социального, экономического, политического и культурного развития человеческого общества. А в СССР

¹ См., например: Мартин Фидо. Хроника преступлений. Известные преступники XIX-XX вв. и их чудовищные злодеяния. Пер. с англ. М., 1997: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.

даже «научно» обосновывали идею о постепенном ее отмирании в процессе социалистического строительства. Связь преступности с социальными, политическими, экономическими и культурными условиями человеческого существования действительно не вызывает сомнений. Вывод о социальной детерминации преступности находит повсеместное подтверждение. Но оптимистические прогнозы о ее сокращении и отмирании в процессе индустриального развития не оправдываются ни в развитых, ни в развивающихся, ни в капиталистических, ни в социалистических странах. Причем уровень учтенной преступности в различных государствах и регионах мира может различаться на порядок и больше, а динамика преступности в некоторых странах и в некоторые годы может быть позитивной. Причин к этому много, в том числе и социальноэкономических. Но надежных данных о серьезном сокращении преступности в связи с социально-экономическим прогрессом той или иной страны нет.

Между тенденциями социально-экономического развития и динамикой преступности, к сожалению, нет скорых, жестких и прямых корреляций. Научно-технический прогресс, социально-экономическое и нравственно-правовое развитие людей имеют разные скорости осуществления и сложную между собой корреляцию. В своей речи в Международной академии философии (княжество Лихтенштейн) 14 сентября 1993 г. А.И.Солженицын убедительно говорил, что надежды человечества на то, что прогресс, основанный на экономическом развитии, приведет к общему смягчению нравов, не оправдались. «Прогресс – да, идет – полагает он. – И даже ошеломительно превосходя ожидания, - да только идет-то он в одной технической цивилизации (с особыми успехами в устройстве быта и военных изобретений)... За XX век не произошло в человечестве нарастания нравственности. А вот уничтожения совершались много массовой...» Более того, с развитием общества социальные, экономические, политические и психологические противоречия криминогенного характера, к сожалению, не уменьшаются, а даже возрастают. Самый высокий реальный и особенно учитываемый общий уровень преступности, как ни парадоксально звучит, наличествует в самых богатых, экономически, социально и политически развитых странах.

Профессор США Грэм Ньюмен, не оспаривая эту тенденцию, придумал своеобразную оценку взаимосвязей между развитой экономикой и преступностью. Он соглашается с тем, что в США и других развитых странах действительно очень высокая преступность. Но она, по его мнению, меньше задевает общество, чем в бедных странах. Предложив типично американское прагматическое объяснение, он сравнил преступность с камнем, а экономику с лужей. Если бросить большой камень в малую лужу, она вся расплещется. А если свалить несколько машин камней в огромное озеро, оно этого может и “не заметить”. Автор приводит соответствующие расчеты и доказательства, а затем заключает: с повышением уровня развития влияние преступлений

может быть меньше, несмотря на увеличение их числа.² С этим можно было бы и согласиться, но и это объяснение не свидетельствует о наличии жесткой связи уровня развития экономики со снижением преступности.

В сознании населения и в работах некоторых криминологов существование такой связи много столетий поддерживается официальной статистикой, которая якобы свидетельствует о том, что среди пойманных преступников доминируют маргинальные, бедные и социально неустроенные люди. Нет сомнения, что у них имеются основания для совершения преступлений в целях выживания и менталитета. Однако более глубокий анализ показывает, что подобная статистика в значительной мере – результат выборочной регистрации преступлений и выборочной уголовной ответственности, чем реальных криминологических закономерностей.

На этом противоречивом и неблагоприятном криминогенном фоне во второй половине XX века протекал параллельный процесс **отставания социально-правового контроля преступности** в результате как малоэффективной непрофессиональной деятельности правоохранительных органов, несопоставимости их возможностей с криминальными силами, так и несовершенного и неадекватно либерализированного законодательства, на основе которого осуществляется борьба с преступностью.³

Эти положения имеют особое значение для России. Экспертами ООН еще в 90-е годы было замечено, что власти стран, вышедших из тоталитарного прошлого, не устанавливают эффективного социально-правового контроля над преступностью, боясь обвинений в возвращении к тоталитаризму. И этот синдром до сих пор политически актуален. Многие у нас и за рубежом отмечают: Россия – криминальная и коррумпированная страна, в экономике которой отсутствует элементарный правовой порядок. Но как только предпринимаются какие-либо меры по наведению правовых устоев, почти мгновенно актуализируется рефрен: в России наступает тоталитаризм. Не остается сомнений в том, что эта демагогическая спекуляция исходит от «высоких» криминализированных кругов общества, которым выгодно слабое государство. Возвращение же к тоталитаризму сталинского образца (которым страшат народ) было маловероятно даже во времена Хрущева. А на современном этапе развития страны и мира это вообще неосуществимо. Пугая тоталитаризмом в связи с предпринимаемыми мерами по укреплению государства, соответствующие круги не принимают (или не желают принимать) во внимание того, что никакой демократии, никакого цивилизованного рынка, никакого соблюдения свободы и прав человека невозможно достигнуть в условиях правового беспредела и безнаказанности.

Одна из самых устойчивых и относительно сильных отрицательных связей наблюдается между уровнем социально-

² Newman Graeme. Crime and the Human Condition. Essays Crime and Development. UNICRI, Rome, 1990/ P. 80-82.

³ Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 30-39.

правового контроля противоправного поведения и состоянием преступности. Причем контроль по своему содержанию может быть разный (политический, социальный, производственный, экономический, религиозный, семейный и т. д.). Американский криминолог Фреда Адлер в своей книге о нациях без преступности на основе данных Первого обзора ООН о преступности в мире (1970-1975 годы) отобрала 10 стран с относительно низким уровнем преступности: Швейцарию и Ирландию (Зап. Европа), Болгарию и ГДР (Вост. Европа, соцстраны), Коста-Рику и Перу (Лат. Америка), Алжир и Саудовскую Аравию (Сев. Африка и Ближний Восток, мусульманские страны), Японию и Непал (Азия и Дальний Восток). Эти страны по своей причинно-криминологической характеристике были самыми разными. Объединяло их только одно: очень разный, но сильный социально-правовой контроль, действующий не только в пределах уголовно-правовой системы⁴. Эффективность социально-правового контроля в удержании преступности на относительно низком уровне подтверждается всюду. Необходимость его укрепления стала особенно очевидной в последние годы.⁵

Таким образом, мировые и отечественные исследования преступности показывают, что она относительно **жестко и отрицательно коррелирует с различными формами социально-правового контроля: судебным, прокурорским, конституционным, административным, налоговым, финансовым, бюджетным, валютным, таможенным, пограничным, миграционным, санитарным, экологическим, гражданским, общественным и т. д.** При этом необходимо сознавать, контроль - не панацея от всех криминальных дел. Он должен органично встраиваться в более широкую систему правовых, организационных, социальных и экономических мер. Более того, при серьезном доминировании и формализации он может превратиться в свою противоположность. Стать криминогенным и коррупциогенным, сковывать правомерную инициативу граждан, субъектов рынка и т. д. Таким примером могут служить формы контроля бизнеса в России, где нет необходимого и действенного контроля за противоправной и общественно опасной экономической деятельностью, но есть армады контролеров, озабоченных коррупционными интересами. Но там, где социально-правовой контроль построен на научно обоснованных и разумных законах, принятых демократическим путем, он оказывает заметное противодействие разгулу преступности.⁶

К сожалению, в нашей стране социально-правовой контроль нередко ассоциируется с тотальным, советским, хотя необходимые составляющие социально-правового контроля в той или иной мере свойственны всем демократическим странам. В то же время **тоталитаризм** разных мастей

⁴ См., Freda Adler. Nations not Obsessed with Crime. Littleton/Colorado. 1983;

⁵ См., Лунеев В.В. Социально-правовой контроль и предупреждение преступности.// Проблемы социальной и криминологической профилактики преступлений в современной России. М., 2002. С. 145-164.

⁶ См., Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права. Сборник материалов конференций. Под ред. В.В.Лунеева. М., 2002. С. 15-30 и далее.

(фашистский, коммунистический, религиозно-фундаменталистский и др.) чрезвычайной жестокостью и государственным насилием действительно может удержать традиционную уголовную преступность на социально-терпимом уровне, но он криминален по своей сути и формы его борьбы с преступностью опаснее самой преступности. Удерживая традиционную уголовную преступность в определенной узде, он не избавляет общество от массовой виктимизации. И он не может быть приемлем.

С другой стороны, **либеральная демократия**, являясь магистральным направлением политического и гуманистического развития человеческого общества, отвергающая дискреционные злоупотребления властей против своего народа и нарушения его неотъемлемых прав, все менее и менее справляется с интенсивно растущей организованной, террористической, экономической, коррупционной и общей преступностью, действующей без правил.

Особенно беспомощным в борьбе с преступностью оказался российский либерализм (который понимается некоторыми правыми политиками и их теоретиками в виде «абсолютной» свободы субъектов), отвергающий эффективный социально-правовой контроль гражданского общества и государства, идеи самобытного сильного правового государства, дееспособную государственную власть, гармонию прав и обязанностей граждан.

В «Манифесте российского либерализма»⁷ Б. Березовского и его сподвижников, где основным рефреном является «не мешайте нам», нет даже упоминания о праве, без чего шагу не может сделать современное цивилизованное общество. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно проследить интенсивную законотворческую и нормотворческую деятельность Европейского Союза и его отдельных стран, где вся сколько-нибудь социально значимая деятельность регулируется законами и подзаконными актами, принятыми демократическим путем. В рамках действующего законодательства с серьезными санкциями для нарушителей и существует свобода по-европейски. При либерализме без права, близкому к либерализму дикой природы, каждое существо «абсолютно» свободно, но только до тех пор, пока другое более сильное и тоже «абсолютно» свободное существо не проглотит его.

Сторонники такого либерализма не утруждают себя необходимостью объективного изучения социально-правового контроля в демократических государствах, без которого невозможны ни демократия, ни рыночная экономика, ни правовое государство. Они не озабочены и массовой преступностью в стране и миллионами ее беззащитных жертв. Таким образом, и при жестоком тоталитаризме, и при беспомощном либерализме общество попадает в **криминальный капкан**, созданным либо криминальной властью, либо властью криминала. Реальным выходом из этого капкана может быть только **ювелирная гармонизация социально-**

⁷ Независимая газета. 2002, 11 апреля

правового контроля и строжайшего соблюдения фундаментальных прав человека, эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и гуманностью этой борьбы. Односторонние и крайние подходы ведут нас в тупик. Их не трудно видеть в России сегодня и прогнозировать в обозримом будущем.

Теневая экономика

Теневая экономика имеется во всех странах мира. Для ее особо привилегированной даже существуют оффшоры и другие гавани. Основные различия теневой экономики разных стран заключаются в ее объеме, формах реализации и уровне социально-правового контроля за ней.

Объем велик. Ее удельный вес в структуре реальной экономики достигает (по разным оценкам) от 30 до 50 %, а в некоторых отраслях хозяйства и больше.

Формы возможной реализации практически безграничны.

Основной причиной масштабности теневой экономике в России на современном этапе следует признать криминальную приватизацию, которая вытолкнула значительную часть производства в тень, и порочную стратегию и тактику перехода к рынку в целом.

Эффективного и четко регламентированного социально-правового контроля теневой экономики, который установлен в промышленно развитых и демократических странах, практически не было и нет. Но зато сохраняются разрушительные дискреционные полномочия чиновничества в экономической сфере, что еще больше загоняет ее в тень.

Многие у нас и за рубежом отмечают: Россия – криминальная и коррумпированная страна, в экономике которой отсутствует элементарный правовой порядок. Но как только предпринимаются какие-либо меры по наведению реальных и нормальных правовых устоев в экономической деятельности, почти мгновенно актуализируется рефрен: в России наступает тоталитаризм. От кого это исходит, нет необходимости говорить.

Теневая экономика имеет много синонимичных названий: подпольная, скрытая, неформальная, нелегальная, деструктивная, противоправная, криминальная и т.д. В криминологических целях целесообразно остановиться на двух ее признаках: деструктивности и противоправности.

Деструктивность теневой экономики - сущностной экономической признак. Однако, не всякая деструктивность является противоправной и тем более криминальной. Более того, некоторые сектора теневой экономики могут быть и относительно конструктивными (например, «теневики-цеховики» в бывшей советской экономике), но они были криминальными и криминогенными одновременно. «Цеховики» побудили к активности вымогателей и других корыстных преступников, поскольку потерпевшие в правоохранительные органы обращаться не могли. В связи с этим теневая экономика породила «теневую юстицию», наемных киллеров, заказные убийства и другие расправы.

Противоправность – признак формальный и, часто, субъективный, особенно в наших условиях, когда многие положения законов лоббируются теневым капиталом и принимаются коррумпированными законодателями. Вспомним закон о банкротстве, с помощью которого и с участием судов, а также судебных приставов осуществлялся и продолжает еще осуществляться криминальный передел собственности. Подобных законов много⁸. Ныне ведется ожесточенная борьба по правительственному проекту Лесного кодекса, который оценивается экологически опасным, так как в интересах лесопромышленников разрешает иметь в частной собственности участки в защитных лесах⁹.

В последнее десятилетие при демократической фразеологии в сфере экономики было принято множество сомнительных, социально вредных, криминогенных и коррупциогенных законов, которые привели к дискредитации не только их (это можно исправить), но и **непреодолимых ценностей: свободы, демократии, справедливости, рыночной экономики, правового государства.**

Право, как и политика, искусство возможного. Принятие законов вопреки реальным возможностям лишь дискредитирует их.

Однако данное требование практически не принимается творцами многих законов, на основе которых организуется борьба с преступностью, особенно в сфере экономики. Причин много: могущественный лоббизм криминалитета от власти и бизнеса, псевдодемократические установки некоторых политических сил, некритическое и лоскутное заимствование из разных стран, нежелание считать реалии и просчитывать последствия. К великому сожалению в юриспруденции до сих пор доминирует логико-догматический метод анализа.

Любая наука (физика, биология, социология, экономическая наука, криминология и др.) развивается на основе изучения фактической реальности. Самые захватывающие идеи отбраковываются как негодные, если они не находят подтверждения в этой реальности. Правовая наука, кроме фактической реальности, имеет еще одну для нее важную реальность – писанную (законы, подзаконные правовые акты, судебные решения, правовые системы других стран, теоретические суждения и т.д.). Она важна, но **между писанной и фактической реальностями конкретной страны дистанция может быть огромного размера. Образовавшаяся разрыв неуклонно расширяется, свидетельствуя о «ножницах» между нашими**

⁸ См., например, принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс, фактически парализовал эффективную борьбу с преступностью. Одна из статей о нем знаково называлась: «Такое впечатление, что новый УПК писали преступники и их адвокаты». Под давлением реалий в течение первого года его действия было принято 12 законов, исправлявших его, в содержание которого внесено до 300 изменений и дополнений. Под лозунгом гуманизации, но явно по заказу лиц, участвующих в разграблении России, из Уголовного Кодекса в 2003 г. исключен эффективный, гуманный и традиционный вид уголовного наказания - конфискация имущества, который значится в международных конвенциях (о борьбе с терроризмом, организованной преступностью, с коррупцией, отмыванием грязных денег и т.д.), подписанных Россией, и в уголовных кодексах демократических стран. Аналогичными недостатками страдают кодексы Земельный, Трудовой и другие.

⁹ См.: Российская газета. 2004. 27 февраля.

правовыми декларациями и практикой жизни. Эти ножницы указывают на масштабы и тенденции нашего нового идеологического и правового лицемерия.

Тем не менее, **правовой критерий является важнейшим.** Теневая экономика называется таковой, главным образом, потому, что она является неучтенной, нелегальной, скрываемой от официальных властей, то есть, находится вне правовых условий. Если абстрагироваться от признака деструктивности теневой экономики, то она обоснованно может считаться прямым результатом социально-правовой бесконтрольности. Последняя может зависеть от неудовлетворительного содержания правовых положений (пробельность, зарегулированность, недостаточность, искаженность) или их неудовлетворительное исполнение должностными лицами экономических структур и контрольных органов (халатность, злоупотребления, коррупционность и т.п.). Поэтому проблема минимизации теневой экономики заключена, главным образом, в оптимизации социально-правового контроля, который бы, с одной стороны, стимулировал прозрачность и правомерность законоразрешенной экономической деятельности, с другой - не парализовывал бы инициативу субъектов этой деятельности. Что касается теневой экономики в сфере преступной деятельности (например, торговля оружием, наркотиками, людьми и т.д.), то тут социально-правовой контроль должен быть абсолютно бескомпромиссным.

Противоправно-теневые экономические действия могут представлять собой гражданские, налоговые, административные и уголовные правонарушения. Последние имеют прямое отношение к криминологическому аспекту теневой экономики, а иные правонарушения – и прямое, и косвенное, поскольку, не являясь преступными, они представляют собой различные криминогенные условия, т.е. условия, способствующие совершению экономических, корыстных преступлений. Таким образом, практически вся теневая экономика в той или иной мере криминогенна, а в части преступного бизнеса – криминальна.

По нашим осторожным оценкам ежегодно и реально в России совершается около 12-15 млн. преступных деяний.¹⁰ По подсчетам ВНИИ МВД РФ – 22-25 млн.¹¹ Официально же регистрируется около 3 млн. (в 2003 г. учтено 2756398 преступлений), или 15-20% от фактически совершаемых преступлений, выявляется около 10% правонарушителей, а осуждается к различным видам наказания не более 5% преступников от реально совершивших преступления. Но и с ними система уголовной юстиции справиться не может. Помогают ежегодные массовые амнистии.

¹⁰ См.: Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России. // Государство и право. 2004, № 1, с. 15.

¹¹ См.: Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кондратюк Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции. М., 2001. С. 10-11.

Латентная (незаявленная, незарегистрированная и недоказанная) преступность приближается к 80-85 процентам. Превентивная роль уголовного наказания равна практически нулю.

Положение с уголовно-правовым контролем преступлений, причинно связанных с теневой экономикой, еще хуже. Все они мотивируются корыстными побуждениями, и их удельный вес в мотивации зарегистрированных деяний достигает 80 и более процентов. В советское время доля этих деяний не превышала и 30%.

Процесс «окорыствования» общественных отношений интенсивно продолжается. И это общемировая тенденция. Французский историк Эрнест Ренан более ста лет тому назад провидчески полагал, что тенденция грядущей эпохи будет стремиться к тому, «чтобы заместить во всем моральные двигатели материальными».¹² Что мы и наблюдаем.

Уровень регистрации корыстных преступлений в экономической сфере намного ниже всех иных деяний. Преступления экономической направленности (связанные с потребительским рынком, финансово-кредитной системой, приватизацией, а также с коррупцией) регистрируются и расследуются не более 1-5% от реально совершаемых. В 2003 г. в России было выявлено и зарегистрировано 376791 преступление экономической направленности (в том числе связанные с потребительским рынком – 45561, с финансово-кредитной системой – 68652, с внешнеэкономической деятельностью – 8619, с приватизацией – 3604). Привлечено к уголовной ответственности 140435 лиц (преступления и лица не совсем сопоставимые показатели), т.е. около 30%, а осуждено около 10% от общего числа выявленных деяний. В этом же году объемы операций по легализации преступных доходов достигли 11 млрд. долларов, а количество возбужденных дел исчисляется единицами.

При самой оптимистичной оценке у нас регистрируется не более 1% реального взяточничества. По данным Фонда ИНДЕМ, сумма взяток, получаемых чиновниками от предпринимателей (деловая коррупция) им оценивается в 33,5 млрд. долларов, а от граждан (бытовая коррупция) – почти в 3 млрд. долларов. По рейтингу коррумпированности на первом месте – политические партии, на втором – служба безопасности дорожного движения, на третьем – Государственная Дума, на четвертом – правоохранительные органы и т.д., то есть те, кто должен бороться с коррупцией.

Действительная ответственность за их совершение тяжких экономических преступлений носит «лотерейный» характер. Именно эта «лотерейность» и вызывает недоумение у многих, когда к уголовной ответственности привлекаются единицы (например, руководители «ЮКОС,а), а десятки, сотни и даже тысячи аналогичных нарушителей уходят от ответственности.

¹² Ренан Э. Де-Саси и либеральная школа. Полн. Собр. Соч. в 12 томах. Т. 3. Киев. 1892. С. 12.

Арестованные за совершение мошенничества, уклонения от налогов в особо крупных размерах и других деяний, руководители ЮКОСа превратились в политических великомучеников. Опубликованы десятки явно заказных статей, за них выступают самые высокие партийные и государственные должностные лица и все фактически требуют их освобождения. Один из депутатов Госдумы от СПС говорит: «Самый богатый человек, имеющий лучших адвокатов, и сидит в тюрьме». Для этого законодателя конституционная норма «Все равны перед законом и судом», видимо, пустой звук. «Позвоночное» право пытаются восстановить на уровне современных коммуникаций. Порочат не только прокуратуру, но всю судебную власть, которой, оказывается, как они полагают, доверять нельзя. Пугают гражданской войной, снижением иностранных инвестиций и капитализаций компаний и т. д. Ситуативные экономические последствия действительно есть. Но что делать? Продолжать и далее нарушать конституционный принцип равенства всех перед законом и судом.

Их виновность никто не оспаривает. Оспаривается их содержание под стражей. Но предположим, что они не виновны. Публичный суд вынужден будет их оправдать, а должностные лица Генеральной прокуратуры должны будут понести заслуженное наказание. Все это будет социально, криминологически и юридически значимо. А если они виновны (трудно представить, чтобы суд в условиях массированного давления со всех сторон дал санкцию на арест и его продление без достаточных оснований) в совершении тяжких деяний и будут освобождены по тем же пресловутым политическим мотивам, то, какова будет цена нашей системы уголовной юстиции, которая легко осуждает безработного к реальной мере уголовного наказания за кражу кошелька и милосердна к многомиллиардным мошенникам в условиях, когда народ еле-еле сводит концы с концами. Арест первых лиц ЮКОСа несомненно был воспринят узкой кучкой богатых, но сомнительных приватизаторов, как сигнал к деприватизации, что заставило высших должностных лиц неоднократно повторять, что ее не будет, но уголовную ответственность за совершение преступлений в пределах срока давности никто не отменял.

Обратимся к опыту других стран, в том числе и так называемых цивилизованных. Привлечение к уголовной ответственности за аналогичные корпоративные преступления руководителей «Энрона», президенту которого Скиллингу грозит по совокупности 325 лет тюремного заключения (США), «Пармалата» (Италия), снятие неприкосновенности с премьер-министра Италии, осуждение видных политических деятелей за коррупционные деяния прошлых лет во Франции, арест зятя Шеварнадзе в неустойчивой Грузии и т.д. принимаются как должное: не воруй, не мошенничай, не бери взятки.

Система уголовной юстиции в нашей стране до последнего времени была в основном нацелена на бедные, низшие, слабо адаптированные, алкоголизированные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие традиционные уголовные деяния. На протяжении последних

лет ежегодно до 60% привлеченных к уголовной ответственности относились к лицам, не имеющим постоянного источника существования, около 25% совершили преступление в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, такую же долю составляют ранее судимые, 11% - несовершеннолетние и только 3-4% лица, совершившие преступления (как правило, корыстного, экономического характера) в составе организованных преступных формирований.

Такая статистика при внедренной в сознание масс декларации «все равны перед законом и судом» почти всех удовлетворяет: власть, элиту, правоохранительные органы, суды, тюрьмы, криминологов (которые вроде бы открыли истину о бедности, как основной причине преступности) и большинство населения, кроме той части, которая «попалась». Эта «выборочная» статистика дает возможность абсолютному большинству «латентных преступников» особенно из правящей, политической и экономической элиты чувствовать себя порядочными людьми (хотя коррупционная и иная криминальная повязанность достигла предела), поскольку, как мы знаем, преступник не тот, кто совершил злодеяние, а тот, кто попался. А ныне делается все, чтобы преступники из правящей, политической и экономической элиты попадались как можно меньше.

Реальную уголовную ответственность несут, главным образом, те,

- кто совершил примитивное и очевидное деяние;
- кто не смог замести свои следы;
- кто не способен квалифицированно самозащищаться;
- кто не прикрыт депутатской и иной неприкосновенностью;
- у кого нет защиты наверху;
- у кого нет оснований блефовать, что его преследуют по политическим мотивам;
- у кого нет средств на известного адвоката;
- кто не может внести залог и выйти на свободу до суда для заметания следов;
- кто не может просто откупиться и т.д.

Такая практика серьезно подрывает конституционный принцип - все равны перед законом и судом – и является особо криминогенным обстоятельством.

Общеизвестно, что преступления совершают и богатые, и бедные; и образованные и малограмотные, и маргинальные, и высокопоставленные, в том числе правящая, политическая и экономическая элита. Коэффициент поражаемости реальной преступностью элитарных групп (как отношение преступников из этих групп к общему числу лиц данных групп) не ниже (или не намного ниже), чем самых неблагополучных слоев населения.

Другой вопрос: каждый слой общества совершает «свои» преступления. Высокопоставленным должностным лицам нет необходимости заниматься кражами или разбоями, им достаточно намекнуть о своих потребностях.

Чиновники тысячекратно больше получают от продажи конфиденциальной информации или от лоббирования интересов теневой экономики, чем от совершения традиционных деяний. Элитарные слои, как правило, совершают экономические и коррупционные преступления, а маргинальные – традиционные насильственно-корыстные деяния. Уровень общественной опасности сравним. А ответственность наступает по-разному.

Преступления нищеты, бедности и слабо адаптированных к жизни людей легко попадают в жернова системы уголовной юстиции, а преступность власти, богатства и интеллекта почти не значится в орбите деятельности правоохранительных органов. **Хотя именно в этой сфере причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству.**

Сложилась ситуация, давно описанная в литературе: если ты украл булку хлеба - пойдешь в тюрьму, а если - железную дорогу, станешь сенатором. Будучи составной частью государства, должностные лица от власти и бизнеса оказались проворнее, профессиональнее, умнее, богаче и защищеннее доминирующей части населения и государства в целом.

Салтыков-Щедрин в середине 18 века в одной из своих сказок писал о прокуроре Куролесыче, у которого было два ока: одно – дреманное, а другое – недреманное. Дреманным он ничего не видел, а недреманным видел пустяки. Говорят ему: «... Чего вы, Прокурор Куролесыч, смотрите! Вон они хищники-то, вон! – Где хищники? Кто казенное добро тащит? - Вот хищники! Вон они! Вон он какой домино на краденные деньги вбодрил! А то вон – ишь сколько тысяч десятин земли у казны украл! - Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а собственники! Они своим имуществом спокойно владеют, и все документы у них налицо. Это вы нарочно, бездельники, кричите, чтобы принцип собственности подрывать! Взять его под арест!» Что изменилось с тех пор? А прошло более 150 лет.

В экономической литературе выделяется до десятка деяний, которые связывают с теневой экономикой. На самом деле в УК РФ насчитывается их на порядок больше. Они предусмотрены в более чем 100 из 260 статей Особенной части кодекса. Преступления, предусмотренные этими статьями совершаются по мотивам корысти, наживы, прибыли (сверхприбыли) и могут рассматриваться как преступный бизнес, дающий теневой (черный, серый), неконтролируемый государством доход.

Назову лишь некоторые более или менее однородные группы, расположенные практически во всех разделах и главах Особенной части УК:

- преступления против личности (от убийств и причинений вреда здоровью до нарушения авторских и смежных прав, торговли людьми и незаконного усыновления, совершенные по найму и другим корыстным побуждениям);
- преступлений в сфере экономики (от краж, хищений, вымогательств до не законного предпринимательства,

монополистических действий, фиктивного банкротства и неуплаты налогов);

- преступления против общественной безопасности (от организации преступного сообщества, бандитизма, захвата заложника, торговли оружием и наркотиками до экологических и компьютерных преступлений);
- преступлений против государственной власти (от злоупотреблений, присвоений и других форм коррупции до преступлений против правосудия и порядка управления).

Наиболее опасные формы – заказные убийства, торговля оружием, наркотиками, людьми, рахищение бюджетных средств, коррупция и др. И как бы цинично не звучало, самые кровавые преступления чаще всего являются лишь «пенной» на безбрежной экономической и корыстной преступности в нашей стране. Ныне бытует даже такое выражение «Если человека убивают по политическим мотивам, то в конечном итоге дело связано с деньгами».

Преступный бизнес положительно или отрицательно коррелирует со всей системой общественных отношений. Мировые и отечественные исследования корыстной преступности в сфере экономики показывают, что она относительно **жестко и отрицательно коррелирует с различными формами социально-правового контроля: судебным, прокурорским, конституционным, административным, налоговым, финансовым, бюджетным, валютным, таможенным, пограничным, миграционным, санитарным, экологическим, гражданским, общественным и т. д.**

При этом необходимо сознавать, контроль - не панацея от всех криминальных дел. Он должен органично встраиваться в более широкую систему правовых, организационных, социальных и экономических мер. Более того, при серьезном доминировании он может превратиться в свою противоположность, сковывать правомерную инициативу граждан, субъектов рынка, стать криминогенным и коррупциогенным. Но вне социально-правового контроля нормально экономика развиваться не может. Она сразу же превращается в криминальную со всеми вытекающими отсюда последствиями. Погоня за прибылью и сверхприбылью ни перед чем не останавливается.

В нашей стране социально-правовой контроль нередко (и политически модно) ассоциируется с тотальным, советским, хотя необходимые составляющие социально-правового контроля свойственны всем демократическим странам.

Тоталитаризм разных мастей чрезвычайной жестокостью и государственным насилием может удержать преступность на каком-то социально-терпимом уровне, но он криминален по своей сути и формы его борьбы с преступностью опаснее самой преступности.

Либеральная демократия, являясь магистральным направлением политического и гуманистического развития человеческого общества, все менее и менее справляется с интенсивно растущей преступностью, действующей без правил и признающей только силу.

Особенно беспомощным в борьбе с преступностью оказался российский либерализм, отвергающий эффективный социально-правовой контроль гражданского общества и государства, идеи самобытного сильного правового государства, дееспособную государственную власть, гармонию прав и обязанностей граждан.

В «Манифесте российского либерализма» (Незав. Газета. 2002, 11 апреля), где основным рефреном является «не мешайте нам», нет даже упоминания о праве, без чего шагу не может сделать современное цивилизованное общество. В рамках действующего законодательства с серьезными санкциями для нарушителей и существует свобода по-европейски. При либерализме без права, близкому к либерализму дикой природы, где каждое существо «абсолютно» свободно, но только до тех пор, пока другое более сильное и тоже «абсолютно» свободное существо не проглотит его.

Таким образом, и при жестоком тоталитаризме, и при беспомощном не правовом либерализме общество попадает в **криминальный капкан**, созданным либо криминальной властью, либо властью криминала.

Вывод напрашивается только один. Необходим серьезный комплексный критический анализ существующих экономических, криминологических и правовых реалий. Реалистичная минимизация криминальной теневой экономики возможна в условиях **ювелирной гармонизации соотношения сложных двуединых задач: свободы и необходимости, свободы и безопасности, свободы и социально-правового контроля, эффективности и гуманности, эффективности борьбы с интенсивно растущей преступностью и строжайшим соблюдением фундаментальных прав человека.**

Задача эта непростая особенно в условиях борьбы различных политических сил. Более того, силы неравные. Но другой выход найти трудно. Паллиативы здесь непригодны.